

Ф. Гельвальд

История культуры
Античная культура

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф. Гельвальд**
История культуры: Античная культура / Ф. Гельвальд – М.: Книга по Требо-
ванию, 2019. – 467 с.

ISBN 978-5-4241-8016-3

При участии профессоров: Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна, Гольма,
Генне-амь-Рина,
Людвига Гейгера, Филиппсона и др.
Перевод под редакцией д-ра философии
М. Филиппова.

ISBN 978-5-4241-8016-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ крупнымъ періодомъ времени, при чемъ мы не въ состояніи сказать, какимъ образомъ они развились и изъ какихъ зародышей. Первобытная исторія здѣсь, какъ и вообще въ младенчествѣ у всѣхъ народовъ, покрыта мракомъ, который лишь несовершеннымъ образомъ освѣщается догадками. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ эпохѣ наивысшаго разцвѣта, мы вынуждены имѣть дѣло со связнымъ и легко обозримымъ теченіемъ развитія. Въ то время, какъ раньше было трудно связать между собою различныя картины, теперь, наоборотъ, становится труднымъ ставить плотины для прегражденія потока, текущаго то спокойно, то бурно, и становится почти невозможнымъ раздѣлить въ изложеніи то, что въ дѣйствительности соединено незамѣтными переходами. Мы не можемъ сдѣлать почти ничего иного, какъ только ярко освѣтить наиболѣе выдающіяся волны этой рѣки. Первоначально скудость извѣстій связываетъ намъ руки при выборѣ самого предмета изложенія. Позднѣе богатство его такъ велико, что именно оно подготавливаетъ намъ величайшія затрудненія относительно выбора.

Мы говоримъ о Греціи; но въ сущности это слово, вводящее въ заблужденіе. Нѣтъ никакой строго ограниченной страны этого имени, которая включала бы въ себя весь греческій міръ,—теперь или въ прежнее время. Къ Греціи, въ культурно-историческомъ смыслѣ слова, принадлежать не только Спарта и Аѣны, Фивы и Коринѣе, Олимпія и Термопилы, но также Эфесъ и Синопъ въ Азіи, Пантикапей въ Скиѣи, Навкратисъ и Кирена въ Африкѣ, Сиракузы и Селинунтъ въ Сициліи, Тарентъ и Неаполь въ Италиі, Массалія въ Галліи. Греція была, гдѣ жили греки, гдѣ слушали звуки греческой рѣчи, гдѣ греки сооружали стѣны и имѣли торговые дома, гдѣ на греческихъ алтаряхъ, передъ обруженными колоннами храмами, горѣли жертвенные огни для боговъ Олимпа, гдѣ греческіе художники творили изображенія боговъ и людей, гдѣ греческіе мѣнялы звенѣли на своихъ столахъ серебряными монетами, украшенными тонкимъ греческимъ чеканомъ. Греція была по берегамъ Средиземнаго моря почти всюду. Конечно, существовалъ центръ, которому мы въ особенности придаемъ названіе Греціи: южная часть Балканскаго полуострова; но также и эта Греція въ тѣсномъ смыслѣ слова была ограничена рѣзко только съ востока, юга и запада, т. е. тамъ, гдѣ ее омывало море. На сѣверѣ ея граница неопредѣлена. Фессалія относится къ греческому

міру, но насколько можно считать греческимъ Эпиръ, это сомнительно; а относительно принадлежности Македоніи въ Греціи, насколько рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, между исследователями все еще нѣтъ единодушія. На востокѣ острова Эгейскаго моря принадлежатъ грекамъ; но на материкѣ Азіи опять нѣтъ опредѣленной границы; на западѣ, въ нынѣшней Италіи, мы находимъ даже Великую Грецію, но насколько она проникаетъ во внутрь, сказать трудно.

Итакъ, если съ географической точки зрѣнія для греческаго міра нѣтъ опредѣленной границы, то нельзя-ли сказать, что этотъ міръ имѣетъ опредѣленную этнографическую границу? Для этнографическаго ограниченія недостаточны имена, вродѣ дорянъ, іонянъ, эолянъ и т. д., а именно по двумъ основаніямъ: послѣднія изъ этихъ названій не обозначаютъ ничего опредѣленнаго, и племена, не принадлежащія ни къ одной изъ этихъ трехъ группъ, все же могли быть чисто греческими. Итакъ, для того, чтобы знать въ точности, кого мы вправѣ назвать греками, намъ пришлось бы имѣть свѣдѣнія о происхожденіи различныхъ народностей, живущихъ въ Греціи и на ея границахъ. А именно этого мы и не знаемъ. Для позднѣйшаго времени, конечно, достаточно признавать греками тѣхъ, которые сами себя называли *эллинами*. Но для древнѣйшихъ временъ этого признака недостаточно, потому что названіе эллиновъ тогда еще не имѣло позднѣйшаго значенія. У Гомера эллины представляютъ маленькое племя; и однако, герой Гомера, къ какому бы они ни принадлежали округу, хотя бы они и не назывались эллинами, настолько эллины, какъ только можно себѣ вообразить; даже троянцы по отношенію къ своей культурѣ не могутъ быть отдѣлены отъ грековъ: у нихъ тотъ же языкъ и та же религія. Такимъ образомъ, единственнымъ признакомъ греческаго міра для насъ, способныхъ судить лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, является языкъ. Съ греками было то, что теперь говорятъ о себѣ въ извѣстной пѣснѣ нѣмцы: Греція была всюду тамъ, гдѣ звучалъ греческій языкъ и гдѣ раздавались гимны греческимъ богамъ.

Этнографическое положеніе грековъ. Греческій языкъ.

Предыдущее замѣчаніе насколько не припятствуетъ намъ опредѣлить этнографическое положеніе грековъ среди наро-

довъ земного шара. Наоборотъ, мы должны этимъ заняться, такъ какъ языкъ является тѣмъ средствомъ, для установленія сродства между народами, которое менѣе всего способно ввести въ заблужденіе. Правда, общезвѣстно, что народы могутъ усвоить и такіе языки, которые имъ первоначально чужды; но, въ общемъ, родство между языками параллельно этнографическому родству. На этомъ основаніи ви при этомъ предположеніи, были произведены изслѣдованія различныхъ языковъ, показавшія, что греки, т. е. племена, говорившія на разныхъ греческихъ діалектахъ, принадлежали къ обширной расѣ, поселенія которой распространялись отъ Средней Азии до Атлантическаго океана, и которая включала индусовъ, персовъ, армянъ, италійцевъ, галловъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ, не говоря уже о племенахъ, языки которыхъ намъ въ точности неизвѣстны. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ, однако, многія народности, жившія рядомъ съ греками въ Азии и въ Европѣ. Многія изъ нихъ, очевидно, близко родственны грекамъ: таковы были фригійцы, а можетъ быть и еракійцы. Относительно другихъ, какъ, напр., ликійцевъ и карійцевъ, мы еще не имѣемъ почвы для сужденія о томъ, можно-ли допустить ихъ связь съ индо-европейцами, какъ можно обозначить всѣ вышеназванныя племена въ противоположность семитамъ, финнамъ и т. д. Въ настоящее время принято думать, что ликійцы и карійцы не принадлежатъ къ индо-европейской или арійской расѣ.

Греческій языкъ,—судя по предыдущему, я ляющійся признакомъ единства греческаго народа,—долженъ въ то же время считаться однимъ изъ важнѣйшихъ и многозначительныхъ продуктовъ греческаго духа,—единственнымъ, который, съ начала и до конца, хотя и въ разнообразнѣйшихъ формахъ, всегда стоялъ на одномъ уровнѣ высоты. На этотъ языкъ другія націи могли смотрѣть лишь съ изумленіемъ. Богатство формъ здѣсь необычайно велико, синтаксическая выработка необыкновенно тонка, такъ что малѣйшіе оттѣнки мысли могутъ быть выражены на этомъ языкѣ съ величайшей отчетливостью, а пригодность его къ стихосложенію и легкость образованія составныхъ словъ такъ велики, что немогіе другіе языки могутъ съ нимъ соперничать. Этотъ языкъ, первоначально, да и позднѣе, какъ и всякій другой, распадался на нарѣчія, на которыхъ говорили жители отдѣльныхъ мѣстностей. Нарѣчія эти подраздѣлялись на три

крупныя группы, а именно дорійскую, іонійскую и эолійскую, сообразно съ позднѣйшимъ, употребительнымъ у грековъ подраздѣленіемъ цѣлаго народа на дорянъ, іонянъ и эолянъ. Эти діалекты употреблялись, однако, не какими-либо сплошными народными массами, какъ это мы видимъ у нѣмцевъ. По-дорійски говорили въ большей части Пелопоннеса, въ Тарентѣ и въ большей части италійской Греціи, въ Сиракузахъ и въ Акрагасѣ; по-іонійски—въ Афинахъ и въ Милетѣ, по-эолійски—въ Віотіи, Фессалии и на Лесвостѣ (Лесбостѣ). Эти діалекты пороку принадлежали и такимъ народностямъ, которыя по происхожденію причислялись къ другой группѣ. Такъ, напр., дорійскіе галикарнасцы говорили по-іонійски, ахеяне въ Нижней Италіи говорили по-дорійски. Уже здѣсь обнаруживается одна изъ главныхъ особенностей грековъ: необычайное разнообразіе въ частностяхъ, при всемъ согласованіи въ общемъ, склонность къ партикуляризму, какая встрѣчается въ той же степени развѣ только у германцевъ.

Первобытная эпоха. Остатки Трои. Микены. Коринонь.

Греческій языкъ является очень древнимъ свидѣтельствомъ греческой культуры, но не самымъ древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до нашего времени. Мы встрѣчаемъ его впервые у Гомера, но уже до Гомера греки прожили тысячелѣтія, идя путемъ непрерывнаго развитія; но отъ этихъ тысячелѣтій не осталось никакихъ памятниковъ языка, а только памятники пластическихъ искусствъ. Итакъ, придется начать наше изложеніе съ краткаго очерка этихъ памятниковъ искусства. Само собою разумѣется, что здѣсь возникаетъ трудность. Если существуютъ только памятники искусства, на которыхъ нѣтъ никакихъ надписей, то какимъ образомъ можемъ мы утверждать, что именно эти произведенія слѣдуетъ приписать грекамъ, такъ какъ мы вѣдь условились опредѣлять происхожденіе только по языку? Рѣчь идетъ объ открытіяхъ, произведеннымъ въ Троѣ, въ Микенахъ, въ Тиринѣ и на островахъ Эгейскаго моря. Не могли-ли эти памятники, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежать народностямъ, имѣвшимъ съ греками не болѣе общаго, нежели мѣстность, въ которой они жили? При находкахъ, открытыхъ въ Микенахъ, многіе помышляли о варійцахъ,

которыхъ, однако, нельзя признать настоящими греками. Безъ сомнѣнiя, доказательство въ пользу того, что всѣ эти произведенiя были продуктами древне-греческой культуры, не могутъ быть даны такимъ образомъ, чтобы не оставить никакого сомнѣнiя; но что Микены и Тиринѣ были греческими культурными поселенiями, въ этомъ порукою служатъ Гомеръ, ставящiй Агамемнона во главѣ ахейцевъ. Такимъ образомъ то, что найдено въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, раскрываетъ намъ картину культуры, представляющую высокое значенiе къ ней, въ видѣ поясненiя, примыкають еще находки, обнаруженныя въ другихъ мѣстностяхъ и относящiяся къ тому же первобытному времени.

Изученiе всѣхъ этихъ памятниковъ получило въ послѣднее десятилѣтiе поразительный толчокъ. Еще четверть вѣка тому назадъ были извѣстны только Левинныя Ворота Микенъ, затѣмъ такъ называемая сокровищница Атрея, находящаяся въ томъ же мѣстѣ, далѣе стѣны Тиринѣа, да и то не въ полномъ видѣ, и нѣкоторыя другiя, менѣе значительныя развалины. Въ настоящее время, благодаря энергичной и полной энтузiазма дѣятельности Генриха Шлимана, къ которому съ тѣхъ поръ примкнули и другiе археологи, найдено такое множество памятниковъ, что простое описанiе находокъ наполняетъ сотни страницъ. Какъ извѣстно, Шлиманъ началъ свои изслѣдованiя на почвѣ Трои, затѣмъ онъ направилъ свою дѣятельность къ Микенамъ, Орхомену и наконецъ къ Тиринѣу, и постоянно съ колоссальнымъ успѣхомъ, послѣ чего онъ вновь наконецъ обратился къ Троѣ, находя въ послѣднiе годы поддержку со стороны техническихъ свѣдѣнiй и необычайнаго трудолюбiя своего сотрудника, Дербфельда. Научные представители Германiи, Францiи и Англiи продолжали эти изслѣдованiя, а въ настоящее время Артуръ Джонъ Ивансъ, на островѣ Критѣ, нашелъ еще первобытныя письмена, правда, досихъ-поръ еще не прочитанныя. Раскопки въ Троѣ привлекли всеобщее вниманiе, прежде всего потому, что установили положенiе этого древняго царскаго города на Гиссарликѣ. Затѣмъ былъ установленъ фактъ послѣдовательнаго сооруженiя семи городовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили раскопки. Наконецъ, важно было уже то, что у знатоковъ долгое время существовало сомнѣнiе на тотъ счетъ, какою же въ сущности изъ этихъ семи городовъ и есть знаменитый древнiй городъ? Одни утверждали, что второй, другiе называли шестой. Наконецъ, поразительныя ювелирныя

работы самаго первобытнаго стила, найденныя тамъ наряду съ глиняными сосудами своеобразнаго характера (урны, съ украшеніями въ видѣ лицъ) привели къ рѣшенію этого вопроса. Подобныя же урны были найдены и въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ. По Шлиману, здѣсь была найдена сокровищница Приама, и эта-то сокровищница была спасена женою знаменитаго изслѣдователя и скрыта въ ея пали отъ опасной любознательности рабочихъ. Въ Микенахъ не меньшее впечатлѣніе произвело открытіе гроба Агамемнона съ золотою личною маскою. Въ настоящее время, однако, существуетъ убѣжденіе, что нельзя примѣнить имена обоихъ царей троянской войны къ находкамъ, открытымъ въ Троѣ и Микенахъ. Тѣмъ не менѣе, древнія преданія приобрѣли новую жизнь; и теперь, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что древняя богатая и блистательная Троя дѣйствительно существовала; существовали также еще болѣе могучія, блестящія и богатыя Микены. Если мы теперь обратимся къ настоящей Греціи, то рѣчь идетъ о двухъ городахъ, Микенахъ и Тиринѣ. Оба находятся въ Арголидѣ, неподалеку другъ отъ друга. Оба обозначаются въ преданіи какъ столицы; въ особенности Микены, какъ мѣстопробываніе знаменитаго Агамемнона. Микены находятся надъ сѣверо-восточнымъ краемъ равнины близъ входа въ ущелье, ведущее на сѣверъ. Если, подобно большинству путешественниковъ, ѣхать со стороны Аргивской равнины, то мы увидимъ надъ грудой мусора зданіе древняго акрополя. Но передъ нимъ, внизу, находится нижній городъ, отъ котораго сохранились лишь скудныя остатки. Въ числѣ ихъ наиболѣе замѣчательны куполообразныя зданія, которыя въ древности считались сокровищницами, тогда какъ новѣйшая наука съ основаніемъ усмотрѣла въ нихъ могилы. Прекраснѣйшая и наиболѣе замѣчательная изъ нихъ, это такъ называемая сокровищница Атрея. Ее называютъ также могилою Агамемнона. Это и другія подобныя зданія, находящіяся по близости, а также и другія, въ томъ же родѣ, находимыя во всѣхъ частяхъ Греціи (между прочимъ, такъ называемая сокровищница минійцевъ подлѣ Орхомена въ Віотіи), состоятъ изъ сводовъ особой конструкціи, къ которымъ ведетъ ходъ. Сводъ построенъ такимъ образомъ, что кругообразныя слои камней уменьшаются вверху, такъ что не требуется камня, завершающаго сводъ, но постепенно уменьшающіеся круги держатся сами собою. Стѣны были

покрыты металлическими украшениями, от которых остались явные слѣды. Такъ называемая сокровищница Атрея имѣетъ внутри въ высоту около 15 метровъ и ровно столько же внутри къ поперечникѣ. Если отъ этого монумента мы обратимся къ укрѣпленію, то прежде всего увидимъ знаменитое зданіе, такъ называемыя Львиныя Ворота, такъ часто изображаемыя на рисункахъ. Отверстіе въ нихъ въ $3\frac{1}{4}$ метра высоты. Ширина внизу 3,13 метр. и вверху 2,90, такъ что кверху отверстіе суживается. Оно покрыто поистинѣ изумительной притолкой, одиночнымъ камнемъ въ 5 метр. длины и 2,5 метр. высоты и посрединѣ въ 1 метръ толщины. Для того, чтобы уменьшить тяжесть этого мощнаго камня, надъ нимъ оставлено вверху сужающееся отверстіе, въ срединѣ однако выполненное каменной плитой въ 3 метра высоты, $3\frac{1}{2}$ ширины и лишь $\frac{2}{3}$ толщины, стало быть не очень тяжелое. Плита эта украшена знаменитымъ изображеніемъ и снабжена колонкой, подлѣ которой, съ каждой стороны, стоитъ по одной приподнятой львицѣ безъ головы. Это положеніе напоминаетъ манеру, въ какой изображались съ древнѣйшихъ временъ на Востоцѣ звѣри по обѣ стороны какого-нибудь болѣе высокаго предмета, напр. дерева, служа здѣсь въ видѣ декораціи. Украшенія эти, вплоть до новѣйшихъ открытій въ Микенахъ и въ Тиринѣ, признавались древнѣйшимъ произведеніемъ греческаго искусства. Но если мы вступимъ во внутреннее пространство крѣпости, то увидимъ передъ собою величественные слѣды дѣятельности Генриха Шлимана. На первый разъ рѣчь идетъ о пространствѣ, отдѣленномъ кольцеобразнымъ помостомъ отъ остальной части акрополя. Этотъ помостъ Шлиманъ признавалъ мѣстомъ для народнаго собранія (агора). Здѣсь онъ началъ свои раскопки, и ему удалось найти 5 могилъ, содержавшихъ тѣла 15-ти лицъ, причемъ была найдена масса золотыхъ и другихъ украшеній. Могилы состояли изъ глубокихъ шахтъ, на днѣ которыхъ находились тѣла, не положенныя, но какъ бы брошенныя. Изъ предметовъ украшенія особенно были замѣчательны золотыя маски, покрывавшія лица четырехъ тѣлъ, находившихся въ четвертой могилѣ. Шлиманъ, какъ извѣстно, предположилъ, что онъ нашелъ (1876 г.) гробъ Агамемнона и, по его восторженному выраженію, ему „удалось сохранить для потомства черты лица древняго царя“. Кто именно на самомъ дѣлѣ былъ похороненъ въ этихъ могилахъ, остается въ сущности неизвѣстнымъ. Шестой подобный же гробъ,

также съ драгоценнымъ содержимымъ, былъ найденъ и откопанъ въ 1877 г. афинскимъ археологическимъ обществомъ. Отгороженное каменными плитами мѣсто, о значеніи котораго такъ много спорили, представляетъ попросту, какъ доказалъ Христіанъ Бельгеръ, остатокъ могильнаго холма, нагроможденнаго, по древнему обычаю, надъ гробами. Это въ особенности доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между гробами найдены также мѣста, отчасти украшенныя скульптурными изображеніями, очевидно предназначенными къ тому, чтобы стоять на могилахъ и обнаруживать ихъ присутствіе. По мѣрѣ того, какъ Мивены все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ, этотъ могильный холмъ оставался въ запущеніи и, наконецъ, былъ совершенно забытъ. Въ противномъ случаѣ никакъ не могло бы произойти, что до самаго 1876 года такія сокровища спокойно пролежали въ землѣ. Послѣ Мивень, слѣдующее мѣсто по значенію представляютъ еще болѣе древнія развалины Тиринеа. Тиринеа всегда былъ знаменитъ своими мощными окружающими его стѣнами, отовсюду видимыми, такъ какъ онъ находится на скалахъ, выдающихся до высоты 18 метровъ надъ равниною Навплиа. Стѣна состоитъ изъ едва отесанныхъ мощныхъ глыбъ въ 2—3 метра длины и метръ толщины; все пространство имѣетъ приблизительно 300 м. длины и 100 ширины. Городъ распадается на 2 части: верхнюю, гдѣ находился дворецъ царей, и нижнюю, предназначенную для людей, служившихъ въ ерѣпости. Стѣны въ среднемъ имѣютъ толщину 20 м., въ отдѣльныхъ мѣстахъ онѣ даже еще толще, такъ какъ онѣ здѣсь содержатъ внутри пустыя пространства, ходы и кладовыя. Ходы были давно уже извѣстны и возбуждали изумленіе путешественниковъ. Примыкающія къ нимъ кладовыя были, однако, открыты лишь въ 1885 г., когда Шлиманъ и Дербфельдъ произвели здѣсь раскопки. Стрѣльчатые двери, съ камнями, образующими стрѣльчатые своды, но снабженныя сверху дугами съ завершающимъ камнемъ или такъ называемымъ ключемъ, какъ это было принято въ средніе вѣка, ведутъ въ кладовыя, въ свою очередь покрытыя камнями, заходящими другъ за друга. Древніе были правы со своей точки зрѣнія, когда вообразили, что такіе тяжелые камни могли быть нагромождены лишь сверхчеловѣческими существами, а именно циклопами, пришедшими будто бы изъ Ливіи. Вторая, открытая лишь Шлиманомъ и Дербфельдомъ достопримѣчательность Тиринеа, состоитъ изъ нижнихъ частей стѣнъ весьма

древняго дворца, служившаго жилищемъ тиринескимъ царямъ. Здѣсь открыты даже остатки весьма древней стѣнной живописи. Внутреннее расположеніе дворца весьма легко распознается, и Дербфельдъ съ большимъ остроуміемъ восстановилъ весь планъ. Относительно назначенія отдѣльныхъ комнатъ возможны, впрочемъ, еще различныя сомнѣнія. Достоверно, однако, напр., что дворецъ содержалъ большую залу (Мегаронъ), гдѣ, судя по описанію Гомера, находился домашній очагъ и куда собирались вокругъ царя и царицы приближенные во время пировъ. Стоитъ вспомнить въ Одиссеѣ Алкиноя и Арету. Впрочемъ, еще въ другихъ мѣстахъ на греческой почвѣ найдено много гробницъ изъ первобытныхъ временъ, съ предметами, напоминающими находки въ Микенахъ, такъ что мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ право говорить о „микенскомъ искусствѣ“. Не то, чтобы это искусство возникло именно въ Микенахъ, но этотъ знаменитый городъ былъ однимъ изъ главныхъ его мѣстопребываній. Это искусство обнаруживается особеннымъ образомъ въ сосудахъ—такъ называемыя вазы микенскаго стиля—и въ предметахъ украшенія, изъ которыхъ особенно замѣчательны золотыя пластинки съ изображеніями полиповъ *). Сюда же относятся рѣзные камни.

Это была культура моряковъ. Многое изъ найденнаго имѣетъ восточный характеръ; такъ, напр., найденная Шлиманомъ покрывка (ѳолось) въ одной могилѣ совершенно египетскаго характера; но другія вещи, здѣсь найденныя, не находятся въ совершенно такомъ видѣ на Востокѣ. Ясно, что Греція уже тогда имѣла начало особаго искусства. Это доказываютъ, между прочимъ, и львицы, которыя не могли быть привезены въ Микены черезъ море. Замѣчательны два золотыхъ кубка, найденныхъ въ Афію и изображающіе поимку быковъ. Относительно происхожденія этихъ кубковъ—туземнаго или же египетскаго—еще нѣтъ общаго согласія. Въ общемъ ясно, что тогда въ Грецію притекали многія произведенія восточнаго искусства, египетскаго, финикійскаго и малоазійскаго; но греки уже начали создавать свое собственное искусство, которое, конечно, совершенно отличалось отъ позднѣйшаго, такъ сильно намъ импонирующаго, т. е. отъ собственно-греческаго искусства.

Выше мы упоминали объ отношеніи между памятни-

*) У грековъ подъ словомъ поливъ подразумѣвался не кораллъ, а головоногіи моллюскъ. *Перес.*

ками, открытыми въ Микенахъ, да и въ другихъ мѣстахъ, съ одной стороны, и Гомеровской повѣей—съ другой. Если бы не было Гомера, то мы не могли бы съ увѣренностью утверждать, что культура въ Микенахъ представляетъ собою древнѣйшую извѣстную ступень греческой образованности. Имѣемъ-ли мы поэтому право дополнить остатки культуры греческаго героическаго періода, находимыя въ памятникахъ, присоединивъ матеріальные остатки къ духовному наслѣдію, оставленному Гомеромъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности разсматривать находки въ Микенахъ и въ Тиринѣ, какъ иллюстрацію жизни героевъ, описанныхъ Гомеромъ. Дѣло въ томъ, что Гомеръ жилъ значительно позднѣе описываемаго имъ времени и долженъ былъ внести въ описаніе старины многое изъ своей собственной эпохи. Итакъ, мы можемъ сказать, что находки въ Микенахъ показали, какъ жилъ *настоящій* Агамемнонъ, но не тотъ, каковаго намъ описываетъ Гомеръ. Дѣйствительно, пользоваться Гомеромъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ такое же основаніе, какъ, напр., пѣсню Нибелунговъ для изображенія нравовъ, относящихся къ временамъ переселенія народовъ.—Гомеромъ мы должны заняться позднѣе.

Дорійское переселеніе.

Культура, извѣстная намъ съ матеріальной стороны по раскопкамъ въ Микенахъ, Тиринѣ и т. д., пришла въ концу, вслѣдствіе событія, напоминающаго переселеніе народовъ, положившее конецъ Римской имперіи. Исторія называетъ это событіе дорійскимъ переселеніемъ. Относительно частныхъ этого переселенія, преданіе далеко не единодушно; да это и естественно, если мы подумаемъ, что во время этихъ походовъ не было никого, кто захотѣлъ бы или могъ бы ихъ описать. Если тогда и писали въ Греціи, то, конечно, не писали исторіи. Временемъ переселенія, въ общихъ чертахъ, можно считать переходъ отъ второго къ первому тысячелѣтію до Р. Х. Выразаясь коротко, событіе это сводится къ покоренію наибольшей части Пелопоннеса доріями, которые съ тѣхъ поръ стали господами въ покореннымъ ими областяхъ, а въ прочихъ областяхъ Пелопоннеса пользовались по крайней мѣрѣ преобладающихъ вліяніемъ. Да и послѣ дорійскаго завоеванія встрѣчались, однако, другія черты, придававшія этнографи-